

A painting of a river scene. In the foreground, there are green bushes and leaves. A river flows through the middle ground, reflecting the sky. In the background, there are tall, dark evergreen trees under a blue sky with white clouds. The overall style is impressionistic.

Игорь Гуревич

Лето,
в котором
тебя
любят

Игорь Гуревич

Лето, в котором тебя любят

Издательский дом «Сказочная дорога»

2014

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Гуревич И. Д.

Лето, в котором тебя любят / И. Д. Гуревич — Издательский дом
«Сказочная дорога», 2014

ISBN 978-5-4329-0064-7

Гуревич Игорь Давидович – автор книг «Любовь к родине» (2008), «Любовь к ближнему» (2010), «Земля обетования» (2013). В новую книгу вошли рассказы и житейские истории. Старая истина, что жизнь людская трагикомична, выражена в них с пронзительной искренностью и присущим автору юмором. Любовь к родным, близким, друзьям, к людям, нас окружающим, вызывает у читателя ответные чувства, и потому, видимо, не покидает его образ ЛЕТА, в котором нас любят только за то, что мы есть на этом свете.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-4329-0064-7

© Гуревич И. Д., 2014
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2014

Содержание

Лето, в котором тебя любят	5
Мальчик и комнатные растения	10
За три «кукареку»	14
Прощай, матрас!	18
Шмуля	22
Двое в лодке с ружьем и собакой	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игорь Гуревич

Лето, в котором тебя любят

*Книга издана при содействии Яковлева Константина Евгеньевича,
за что автор выражает ему искреннюю благодарность*

Лето, в котором тебя любят

Светлой памяти всех моих бабушек и дедушек

1

Здравствуй, дорогой дедушка, Моисей Шимонович!

Твое последнее письмо вспоминается мне все чаще. Ты писал, что к тебе приходила бабушка. Это было так давно, еще в прошлом веке, четверть века тому.

Я не ответил тебе. Я не знал, что ответить бабушке, который пишет о том, что к нему приходила умершая много лет назад жена. Это было письмо-прощание. Ты так и писал: «Дорогой внучек! Хочу проститься...». Ты никогда до этого мне не писал писем. Ты вообще всю жизнь был немногословным, молчуном. Самое эмоциональное твое выражение – я запомнил: «И что же будет?». Это означало, что ты очень переживаешь по поводу какого-то события. И все.

Вскоре после этого письма Бог призвал тебя. Тебе было за девяносто. Умер ты на руках своего сына – моего отца. Рядом были моя мама – твоя невестка, мой брат – твой любимый внук.

Ты всех нас очень любил. Ты был наш ангел-хранитель.

Я помню твое лицо... Ты был очень похож на Осипа Мандельштама. Открытый добрый взгляд, торчащие в сторону уши, мягкие черты, чистый высокий лоб. Гладковыбритые щеки: ты всю жизнь брился «опаской»: вжик, вжик по ремню. У тебя всегда в хозяйстве были исключительно наточенные и правленные ножи всех форматов и размеров – разделка мяса была твоя стихия, твоя профессия.

Ты приезжал или приходил к нам и точил ножи. И пользоваться ими после этого надо было с особой осторожностью. У меня дома до сих пор в работе твой разделочный топорик для небольших костей. Сколько ему – полвека, больше?

Редкие седые волосы... Помню: младший брат, совсем маленький, – у тебя на плечах, и дергает за них. Ты сидишь на диване и побряхтываешь.

Твоя невестка – моя мама, говорит:

– Папа, что вы терпите? Всыпьте ему как следует!

– Это же ребенок, – с укоризной отвечаешь ты.

А ребенок продолжает выдирать остатки редких седых волос. И только однажды ты не выдержал, не столько от шалостей ребенка, сколько от ворчания невестки. И – даже не шлепнул, нет – просто снял с плеч и слегка пригладил ладонью – в две моих теперешних – пятую точку моего трехлетнего брата... Тот убежал в дальний угол комнаты. Глаза удивленные – очень большие и круглые.

А ты сказал:

– Так нельзя.

И было непонятно, кому это предназначалось. Расстроился и вышел на улицу. Больше ты ребенка так не приглаживал, но и ребенок интерес к твоим волосам потерял.

Мы жили в ракетном дивизионе, где служил мой отец, под Киевом. Ты раз в неделю считал своим долгом возить нам сумки с продуктами.

Отец приходил с дежурства, с трудом поднимал пудовые сумки, которые ты, восьмидесятилетний старик, нес три километра от шоссе до колхозных полей до нашего КПП.

– Папа! Ну, сколько тебе говорить – не таскай такие тяжести!

– Э, надо же кушать.

– Папа, у нас еще с прошлого раза запасы не кончились. Ты никогда не спорил. Просто умолкал и через неделю-две приносил все те же доверху забитые продуктами сумки. Кормить близких – это был твой «пунктик», твой «конек», твоя визитная карточка. Ты слишком хорошо знал, что такое голод и нищета. И ты очень, очень любил своих близких.

Ты уходил, долго, мучительно – у тебя было крепкое сердце и светлые легкие, врач говорил: «Как у юноши!». И это при твоих девяносто четырех! Годы медленно и бесповоротно брали свое. Ты то приходил в свое обычное молчаливо-терпеливое состояние и на все вопросы о здоровье отвечал: «Хорошо», то начинал кряхтеть и ложился, впадая почти в беспамятство. Но даже в это непростое для тебя время, чувствуя малейшее облегчение, ты шел за продуктами и нес их моей семье, или своей младшей сестре, прикованной к постели и живущей со своими уже пожилыми детьми.

Ты вырос в большой семье – двенадцать детей. Ты был вторым. Но я запомнил на всю жизнь: пока оставались живы два твои брата и сестра, ты навещал их. Не они тебя, ты – их. Всех и каждого. Не от случая к случаю. Постоянно, как надежный курьерский. Мы шли к дяде Хаиму, старшему брату, или к дяде Семе, младшему брату, разбитому параличом после инсульта, или к младшей сестре, тете Лизе. И ты нес свою знаменитую сумку с продуктами. Только сейчас я понимаю – это была великая, ничем неистребимая любовь к близким. Ты ничего не говорил, когда я, маленький, семенил рядом с тобой. Мы просто шли навещать родных людей. А потом мы отправлялись к не очень близким. А потом ты шел к просто знакомым. И каждому ты что-то приносил, справлялся о здоровье, молча пил чай или немного говорил, больше для того, чтобы поддержать их беседу. Прощался, уходил, чтобы навестить их вновь. Через неделю – по ближнему, а через месяц – по дальнему кругу. Самая известная твоя фраза: «Таки надо помочь...». И ты это делал, как умел и как понимал. И они все, в каждом круге, каждый раз сначала справлялись не о твоём здоровье, а спрашивали: «Миша, почему тебя так давно не было?». Дядя Хаим, умирая, просил тебя: «Не оставь мою жену». И ты выполнил волю старшего брата – навещал тетю Клару до самой ее смерти. Каждую неделю.

Когда я приезжал на побывку в студенческие и потом семейные годы, ты приходил и говорил:

– Надо сходить к дяде Хаиму, дяде Семе, тете Лизе, – и далее по списку.

И я знал, что это именно надо, и это правильно. Вопрос не обсуждался.

Потом тебя не стало. И на твою вахту заступил твой сын – мой отец. А потом они эмигрировали к родне по маминой линии. Я приезжаю в гости к ним, чтобы ходить в гости к родне. А папа говорит: «Надо позвонить тете Софе, Эдику». Список стал совсем коротким...

А я живу один. То есть не один, но мне не к кому ходить по списку с продуктами в сумке. Разве что к сыну. Но у меня почему-то все не хватает времени. Я много работаю. Или, может, мне слишком мало лет? Ты всегда был стар, а я – просто пожилым.

2

Проходят годы, иногда по ночам мне снится: мы с тобой, милый мой деда, возвращаемся из Киева. Автобус останавливается на шоссе у развилки. Ты выносишь две огромные сумки с

продуктами. Мне всего десять лет, и в руках у меня небольшая авоська с печеньем «Юбилейное» и белым хлебом – для приличия.

Ты говоришь:

– Ну, пойдем не спеша, – поднимаешь тяжеленные сумки на вытянутые жилистые руки – ты всегда их носил на вытянутых руках, не перекидывая через плечо – и мы идем три километра по проселочной дороге. И я не понимаю, что ты уже очень старый.

И вскоре ты говоришь:

– Устал? Давай авоську мне.

Я отдаю и прыгаю в сторону на клубничное поле.

– Не ешь грязное! – слышу вдогонку.

3

Я не знаю, не могу уже различить, где в моих воспоминаниях о тебе правда, а где – легенда. Но ведь все легенды – это сконцентрированная правда, приправленная искренней любовью.

Ты был мясник-колбасник – говорят, лучший колбасник Киева! Когда папу вернули служить на Украину, мы ели только твой зельц, твой холодец, твои охотничьи колбаски. Говорят, докторская колбаса – твоё изобретение. Ой, я себе представляю, что сейчас начнется где-то в тех местах, которые называются «защита авторских прав»! Ой, да за ради Бога! У нас не осталось патентов, да и разве советская родина их раздавала своим героям? Я не претендую на проценты от товарного знака и продаж. Упаси меня! Но я заявляю все мои права на мою память – память моей семьи, в которой легенда о моем деде гласит: он был лучший колбасник Киева и он создал рецепт докторской колбасы.

Известная драматургическая семья, супруги Александр Корнейчук и Ванда Василевская, чьими именами названы улицы в Киеве, уже после войны в одном и том же бурундучке-ларечке покупали всегда одни и те же колбасы, сделанные одним и тем же мастером – Моисеем Гуревичем...

Ты был из очень бедной семьи. Черта оседлости, двенадцать детей! И все работали всю жизнь с малолетства. В двенадцать ты батрачил на дядю знаменитого тяжелоатлета Григория Новака. Дядя Новака – большой, просто огромный, гренадерского сложения – держал мясную лавку на Бессарабском рынке в Киеве. И пацаненок-батрак Мойша таскал мясные туши и возил их на телеге без скидок на возраст.

А однажды ты таки надорвался и заработал грыжу. Перед самой войной. Ты был бригадиром – старшим мастером колбасного производства. Привезли и скинули с телеги ободранную конскую тушу. И никого не было. И мясо могло испортиться. Ты в одиночку поднял тушу на разделочный стол. А грыжу «переходил», но она еще напомнит о себе. Было тогда тебе под пятьдесят...

Ты был очень сильный. Легенда гласит: еще во времена нэпа, когда ты работал на своих более удачливых родственников все тем же мясником-колбасником, ты на спор переносил фанерный киоск для газированной воды – помните: «Меньше пены!»? Люди зарабатывали на этом споре. Люди, но не ты. Так гласит легенда.

А еще, я слышал своими ушами: ты вдруг за чашкой чая у одной незнакомой тебе до этого старушки впервые в жизни рассказал о себе, похвастался.

Времена все того же нэпа. Вечер. Ты возвращаешься с другом из... оперы. Да-да, ты ходил слушать оперу. Странно, но тогда не крутили американских боевиков. Синематограф демонстрировал всего два-три новых фильма в год. А вот опера, оперетта!..

Я себе представляю: у нас долго хранилась фотография – на ней ты почти молодой, хотя и тогда тебе уже было за тридцать, – перед нэпманским фотографом. Птичка вылетела – и что

осталось? Франт с гладко зачесанными темными волосами и усиками, в манишке с бабочкой и приталенном фрачке сидит, забросив ногу на ногу, в полосатых брючках-дудочках, ботиночки белые с черными вставками по бокам, в руках – тросточка. Но те же знаменитые уши! Добрейшие уши на свете.

И вот я себе представляю: возвращается такой франт из числа батрачивших на нэпманов-эксплуататоров с товарищем после культурного отдыха в опере... И что же? В темном переулке встретили их урки, и один из них им говорит: «Давайте-таки, гроши». И друг тот, у которого реакция чуть быстрее, ноги чуть длиннее, а сердце нежнее, бежит в тень и оттуда успевает крикнуть очень важную мысль: «Мойша, беги!» Но что делаешь ты? Ты берешь их за шиворот, приподнимаешь над землей, встряхиваешь и стукаешь немножко лбами – и выпускаешь из рук. И они – лежат. И глаза у них немножко закрыты. А ты извиняешься перед Богом и идешь за своим другом.

И чтобы он не слишком пугался и не очень обиделся, отвечаешь ему: «Спасибо, Сеня, за помощь! Уже бегу».

Это ли я слышал своими ушами от тебя? Но глаза мои нарисовали это так, как хотело слышать мое сердце. Ведь ты не будешь сердиться на меня, деда?

4

В годы войны тебя не взяли на войну. Ты тогда уже был стар. Тебя забрали на трудовой фронт. Фронт этот проходил где-то в Средней Азии, в Узбекистане... И ты таки надорвался – и у тебя воспалилась паховая грыжа. И тебе сказали – иди к семье. И ты пошел... Но недавно ты уже проходил этот горький путь...

Семья твоя (моя бабушка и два ее сына, старший – мой дядя, и младший – мой будущий папа) тоже была в эвакуации в Узбекистане. Но между тобой и ними было, может, три раза по сто километров. Твой старший – так гласит легенда – был красив и силен, как ты. И немножко биндюжник, как он сам. И бабушка, встречая его из школы, всякий раз спрашивала: «Что сегодня, Абраша?» И считала за счастье, если ее в школу не вызывают. Но старшего папиного брата боялись все нехорошие люди в округе и любили все друзья и родственники, потому что он был сильным, добрым и справедливым. И никогда ничем не болел. А мой папа, встретивший войну семилетним, рос болезненным ребенком. Бабушка – командир сандружины – вывезла своих на последней машине с ранеными из полуразбомбленного Киева, куда уже входили немцы. И из гражданского населения в последний эшелон не брали никого.

Тогда еще она не знала, что по приезде в узбекский город с непроизносимым названием ее младший сын – мой папа – заболеет тифом, и врач-поляк только посмотрит и скажет: «Не жилец». И будет у него сорок раз по сорок: сорок дней с зашкаливающей температурой. И старший, красивый, сильный брат, никогда ничем не болевший, будет таскать полуживого младшего на закорках в больницу и обратно. И заплатит собственным здоровьем.

А бабушка день и ночь работала на трудодни в колхозе, чтобы им было хотя бы что-то поесть. И когда свалился в тифе старший и черная тень простерла крылья над ее двумя сыновьями, она вызвала деда. И его отпустили с трудового фронта на время. Мой папа стал потихоньку оклемываться вопреки прогнозу врача. А старший брат... Это было единственное время, когда мой отец видел своего отца плачущим. Дед сидел денно и нощно у постели умирающего сына, держал его за руку и безмолвно плакал. Просто катились слезы. А пятнадцатилетний мальчик говорил: «Лучше бы я ушел в армию».

А потом мой папа с моей мамой родили и вырастили двух сыновей – меня и младшего брата. И у нас тоже восемь лет разница. И мы родили детей. А дети – внуков.

Но это уже другая история, начало которой там, где сидит наш дед у постели умирающего старшего сына, чтобы жили мы...

Слышите? Метроном: так-так, так-так. Отмеряет отпущенные сроки. И не прерывается род не вопреки, а благодаря любви тех, кто остался в наших легендах. И мы живем за себя и за них. Вечная память тебе, Абрам Гуревич!

...Так гласит легенда, так рассказывает мой папа.

...Моисей Семенович (а по-настоящему Шимонович) идет по дороге к семье. У него воспаленная грыжа, и он не может быстро идти.

Он зарос бородой. В руках у него палка. Он спит, где придется, но он никого ни о чем не просит. Он просто не умеет этого делать. Он только молится Богу перед заходом солнца и ничего не предпринимает в субботу.

У него кончились и деньги, и запасы. Он ест, что подадут. Вечерами он молится Богу, ничего не просит – только благодарит. И идет дальше.

И однажды вечером в мазанку (или как там это называлось), где ютились бабушка с единственным младшим сыном, выжившим после брюшного тифа вопреки прогнозу врача, – в этот, то ли сарай для лопат, то ли склад для зерна, которого не было, постучали.

Бабушка взяла керосинку, открыла дверь. На пороге стоял изможденный старик.

– Нам нечего вам подать, – сказала бабушка. – Разве что лепешку из жмыха и ковш воды. И у нас негде вас разместить.

Старик разомкнул спекшиеся губы и сказал:

– Рива, это я.

Так ли об этом гласит легенда? Но так видит мое сердце... Папа, прости, если оно видит не совсем точно. Бабушка, дедушка – простят. Ведь это наша память, правда?

Врач, который делал деду операцию, был поражен терпению и мужеству этого молчаливого пожилого человека.

Наркоза не было. И врач сказал:

– Дайте ему спирта, пусть выпьет.

– Я не пью, – ответил дед.

– Тогда не смотри.

Дед ничего не ответил и стал смотреть и побряхтывать.

– Ты бы матюгнулся, что ли, – сказал врач.

– Я не умею, – ответил дед.

Он не хотел хоть чем-нибудь мешать человеку, который делал свое дело. А когда врач закончил, дед сказал:

– Спасибо. – И все.

Это рассказывает папа, который слышал, как об этом говорил врач с моей бабушкой...

5

Прости меня, деда, что я не ответил на твое письмо.

Я помню. Лето... Гощу у бабушки. Мы с тобой идем гулять на детскую площадку...

Лето... Мы отдыхаем на речке Ирпень. Бабушка плывет на тот берег и обратно, а ты, не умея плавать, мечешься по берегу и машешь ей рукой, чтобы немедленно возвращалась. А потом ты делаешь мне кораблики из сосновой коры...

Лето... Я валяюсь на диване и швыряю под потолок диванную подушечку. Ты пришел с работы. Устал. Тебе уже много лет. Добрейший, интеллигентнейший человек! Ты всегда повязывал галстук, когда шел на свидание с женщиной. Ты не произнес за всю свою жизнь ни одного худого – не то, что матерного – слова! Любил читать книги и газеты, знал Талмуд и не имел ни одного класса официального образования.

– Мойша, своди ребенка погулять. Он уже с ума сходит. И купи по дороге молока...

Лето... Большое, доброе, светлое лето, в котором тебя любят только за то, что ты есть.

Мальчик и комнатные растения

1

Мальчику было три или четыре года. Он точно не знал. Вернее, когда ему было три или четыре, он знал точно. Но потом забыл, потому что потом «три» или «четыре» не имело никакого значения. Потом значение имело двадцать или тридцать. И он знал, что скоро значение будет иметь только – до сорока и после.

В общем, Мальчик был достаточно маленький, чтобы помнить детали, и довольно большой, чтобы запоминать главное и выносить из жизненных событий уроки. Мальчика воспитывали правильно: он уважал старших, в смысле взрослых, не ябедничал и старался не плакать по пустякам, как девчонка.

Ходил Мальчик в детский садик, не в простой, а в исполкомовский. Мама этим очень гордилась, потому что мама была молодая, но уже занимала положение в обществе. Она была начальница целого отдела.

А папа Мальчика носил погоны и служил в штабе. И все у них было хорошо.

Папа часто дежурил, а мама часто задерживалась на работе допоздна, потому что она очень любила свою работу и была ответственной начальницей. А воспитательницы очень не любили задерживаться из-за Мальчика в группе исполкомовского садика. Но каждый раз, когда мама прибегала за ним, уже одетым, сидящим перед своим шкафчиком в раздевалке, воспитательницы говорили маме:

– Какой у вас чудный Мальчик!

Маме это очень нравилось, и она была уверена, что ее Мальчик посещает лучший садик в городе. Мама и сейчас вспоминает: «Тебя очень любили воспитатели. Ты был очень послушный Мальчик».

«Конечно», – отвечает Мальчик, который уже давно не мальчик, но только не для мамы.

Мальчик не помнит лиц воспитательниц, которые его так любили. Они все остались в его памяти без лица. Зато он помнит другое... Сюжеты, события, ощущения.

...Вот в их группе другой мальчик капризничает и швыряет игрушки в детей. Дети разбегаются. Воспитательница строго кричит на этого мальчика. Потом прибегает нянечка. Потом они хватают этого мальчика, стаскивают зачем-то с него короткие штанишки и оставляют в одних чулочках, прикрепленных к пояску на защепки, как у подтяжек. Спереди и сзади, каждый чулочек. Тогда еще не изобрели детских колготок. Непослушного мальчика трясут, как болванчика, у него мотаются руки и голова. Дети наблюдают и смеются. Мальчика ставят в угол в трусах, маечке и чулочках. Он не хочет стоять в углу и визжит во весь голос. А потом кусает воспитательницу за руку. У него уже крепкие зубы. Воспитательница тоже визжит.

Они с нянечкой опять хватают кусачего мальчика, откуда-то достают полотенца, связывают его по рукам и ногам и кладут прямо на рояль, который стоит посреди группы. Дети смотрят и смеются. Связанному мальчику обидно, и он плачет. Никому его не жалко, потому что в исполкомовском садике дети из хороших семей, и они знают, что взрослых надо слушаться и уважать.

Вечером мама, как всегда, приходит за Мальчиком последней.

– У Вас замечательный мальчик, – говорит воспитательница и гладит Мальчика по светлым кудрям, а у него начинает звенеть голова от страха и непроизвольно приподнимаются плечи. – Ты что, зайчонок? – ласково спрашивает воспитательница. – Маму, наверное, заждался.

Мама улыбается. Ей очень приятно, что у нее такой замечательный сын, и воспитывают его такие внимательные воспитатели.

А однажды Мальчик все-таки провинился. Они бегали с ребятами по группе и играли в догонялки. И у него во рту набралась слюна, и он почему-то, сам не знает почему, подскочил к стоящему на подоконнике горшочку с какой-то комнатной рыской и плюнул в него.

А одна девочка заметила, подбежала к воспитательнице и все рассказала. Она не ябедничала, она просто была дежурная и следила за порядком.

Воспитательница подозвала к себе Мальчика и строго спросила:

– Ты зачем плюнул в цветок?

– Я не в цветок, я в горшочек.

Мальчик на свою беду был развитый. Он даже умел читать по слогам и отвечал четко и правильно. В цветок он бы никогда не плюнул, это все равно, что в человека. А в землю – в горшочек – это другое дело. Туда водичку наливают. А однажды он видел, как нянечка протирала подоконник и плюнула в горшок с цветком. Он ничего этого не рассказал воспитательнице, потому что она не спросила, и еще потому, что воспитательница вдруг закричала:

– Вырастили уродов! Все им в жизни задаром достается! Мало того, что труд чужой не уважают, еще и умничать детей учат, начальники сраные!

Конечно, Мальчик не понял, о чем речь и почему кричит воспитательница, но зато понял, что воспитательница почему-то рассердилась на его маму. Ему стало обидно за маму, и он выдернул руку, которую воспитательница схватила и трясла, пока выкрикивала свои обидные слова, обращаясь неизвестно к кому.

– Ах, он еще и брыкается! Придется тебя проучить. Дети, посмотрите на этого нехорошего Мальчика. Он плюнул в цветок, который украшает нашу любимую группу и за которым каждый день ухаживает наша любимая нянечка. Как вы считаете, дети, надо наказать этого нехорошего Мальчика?

– Надо! – радостно закричали дети, и некоторые захлопали в ладоши, как будто их звали поиграть в новую увлекательную игру.

– Все. Садись здесь, – и воспитательница поставила посреди группы детский стульчик. Мальчик послушно сел и улыбнулся. – Ты что лыбишься?

Он не знал, что такое «лыбишься», и пожал плечами. Но тут подошла нянька с полотенцами – и Мальчик испугался. Он это уже видел. Он даже не понял, как они ловко закинули ему руки за спинку стула и связали.

Нянька еще спросила:

– Тебе не больно?

– Нет, – ответил Мальчик. Голос у него дрожал. Ему захотелось писать.

– Вот, дети, вот этот Мальчик, который плюнул в цветок. Сейчас каждый из вас подойдет и плюнет в него, чтобы он навсегда запомнил, что не надо плевать в цветок. И так, дети, будет с каждым, кто станет поступать, как этот Мальчик. Всем понятно? Построились. Начали.

Дети подбегали к нему и плевали, и отбегали, смеясь. Те, которые ждали своей очереди, прыгали и кричали:

– Быстрее, быстрее!

Не все дети плевали одинаково. Некоторые дети больше делали вид – тьфу! А некоторые набирали побольше слюны, пока ждали своей очереди, и норовили попасть в лицо. А одна Девочка подошла и сказала:

– Я не буду. Плевать некрасиво.

– Как это не будешь? – возмутилась воспитательница, освоившая азы круговой поруки еще со времен своей колхозной беспаспортной, но комсомольской молодости. – Все должны наказать этого Мальчика. Кто не будет, придется того посадить рядом на стульчик.

Девочка рядом сидеть не хотела. Плюнула в Мальчика и заплакала.

Он ей хотел сказать: «Не плачь!» Она ему очень нравилась. Но уже подскочил какой-то мальчик и плюнул ему прямо в глаз.

– Молодец, – похвалила воспитательница.

Исполкомовские сады не были переполнены.

Детей в группе было двадцать. Некоторые стали заходить на второй круг.

– Марвановна, а вот он уже плевал и опять встал.

– Это нехорошо. Нельзя издеваться над человеком. Наказал один раз и хватит. Понял? – восстановила справедливость воспитательница.

Когда экзекуция закончилась, Мальчика отвязали.

– Все понял теперь?

Он молча кивнул головой.

– Иди, умойся.

И он послушно и так же молча пошел в умывальную комнату.

– Вот, гаденыш, хоть бы всплакнул! Что из него вырастет? – зашипела за спиной Мальчика воспитательница без лица.

– А все-таки жалко, – вставила слово пожилая нянька.

– Ну, ты еще рот открой! – возмутилась педагогический работник.

– Что, и меня к стулу привяжешь?

И нянька пошла помогать Мальчику умываться.

Вечером мама опять пришла поздно. Мальчика познабливало.

– Хороший он у вас мальчик. Приболел, похоже, но вот ведь какой молодец, даже не жалуется! – и воспитательница прикоснулась к его голове.

Может, это была другая воспитательница-сменщица? С тех пор они все стали для Мальчика без лица. Он отскочил из-под педагогической руки.

– Взрослеет, – улыбнулась воспитательница.

Мама тоже улыбнулась в ответ и подумала в который раз: «Какой хороший садик!»

2

Кабинет у Ивана Федоровича был большой, просторный и всегда прохладный. В нем проходили все педагогические совещания и деловые встречи.

– Директора приходят и уходят, а кабинеты остаются, – заявил он как-то, начав на заре школы эту перестройку.

В кабинете все было и стильно и уютно: и зашитые батареи, и подвесной потолок, и встроенные шкафы, и зона отдыха.

И только комнатные растения не приживались, как ни старалась хозяйственная и аккуратная секретарша.

– Иван Федорович! Ну вот, опять все цветы завяли! Не пойму. Не климат им здесь, что ли? Но у меня в секретарской растут! А ведь кабинет практически один, только перегородкой разделен.

– Ну, что ж я сделаю! Не любят меня комнатные растения, – улыбался директор.

– Да вы их тоже не жалуете. Ну, зачем в горшках окурки гасите! Видели бы школьники!..

– Придется меня наказать, – вздохнул директор, словно что-то припомнив. – Знаешь, голубушка, убери ты их от греха подальше. И без них здесь красиво.

А вечером, как всегда, опоздав в садик за трехлетним сыном, он обнаружил его, маленького и худенького, в одних трусах и маечке в раздевалке.

Выскочила заждавшаяся воспитательница:

– Иди, дорогой, быстренько одевайся. Вы знаете, Иван Федорович, у вас замечательный мальчик. Просто сегодня он немножко провинился, отнял у девочки яблоко и откусил. При-

шлось немного наказать. Ведь это важно, чтобы дети уже в таком возрасте запомнили, что такое «хорошо», а что такое «плохо». Ведь вы же сами педагог, понимаете?

У Ивана Федоровича перехватило горло и сдавило грудь, словно ледяными тисками. Воспитательница уловила что-то в позеленевших до изумруда глазах директора, пискнула:

– Извините, – и мышкой прошмыгнула в группу.

Дома Иван Федорович сказал жене:

– Знаешь, Светочка, ну его на хрен, этот садик! Ты – бухгалтер, можешь работу и на дом брать. Я устрою. А пацана из садика забирай. А то, видит Бог, пригоню бульдозер и снесу к чертовой матери всю эту дошкольную педагогику!

Светлана Александровна мельком взглянула на мужа и поняла: точно снесет, возможностей хватит.

– Как скажешь, дорогой, – и потрепала по короткому ежику темных волос, подернутых ранней сединой.

За три «кукареку»

1

Игорек был толст и не то, чтобы совсем неловок, но все же неповоротлив. В салочках и прочих детских играх с догонялками ему почти всегда приходилось «водить». Физические недостатки компенсировались общительностью и незлобливостью характера.

Игорек обладал острым и живым умом, постоянно болел ангинами и имел хороший аппетит. Сангвиник по натуре, склонный к холерическим вспышкам, он, безусловно, переживал свою физическую несостоятельность, но долго на этом не заикливался.

Он даже не знал, что это подарок Бога – при такой физиологии иметь такой характер. Был бы меланхоликом и – пиши пропало! – превратился бы «жирпромкомбинат» с центнером сомнений и комплексов. Впрочем, опять же, при флегматическом характере жировые отложения перетопились бы в силу. Знаете, есть такие мальчишки-увальни, молчуны, которые смотрят исподлобья и, перекатываясь с боку на бок, внушают если не страх, то опасения – лучше не связываться. Игорек, напротив, при всей своей внешней неповоротливости был словоохотлив, шустер и постоянно везде участвовал и во все влипал. Даже уроки физкультуры в начальной школе он воспринимал жизнерадостно, за исключением сдачи нормативов по прыжкам в высоту и по бегу на время.

Впрочем, бег еще куда ни шло. А вот прыгать в высоту он и стеснялся, и боялся. В общем, комплексовал по полной. За школьные годы так и не научился прыгать ни «ножницами», ни «рыбкой». Разбегался, подпрыгивал, как жирный горный баран, поджимая под себя копыта, и всякий раз задевал пухлым задом планку. Его личный рекорд был пятьдесят сантиметров.

Когда он окончательно понял, что высота – не его стихия, он сказал себе: «Нас...ть». И даже уже потом, в восьмом-десятом классах, похудев, как на заказ, основательно и бесповоротно, при сдаче прыжков в высоту заявлял учителю:

– Пишите пятьдесят эсэм, ставьте «два» и отправляйте меня на два лишних круга по стадиону.

2

В первом классе ему было скучно. Он умел читать бегло и любил это дело. Писал вполне сносно. Вычитал и складывал устно в пределах двадцати без проблем. Поэтому в школе он все время искал разнообразия. Учителя удивлялись, как при такой полноте мальчик такой вертлявый, шумный и шустрый! Первый раз за дверь его выставили в первом классе.

Учительница сказала:

– Дети, будем вспоминать, как говорят различные животные. Смотрите внимательно на картинку, – и показала корову. – Кто знает ответ, поднимает руку, и если я на него покажу, он встает и дает полный ответ. Например: «Корова говорит «Му!». Все поняли?

И учительница стала по очереди показывать различных животных. Дети в нетерпении трясли руками. Счастливишки вставали и давали полные ответы:

– Гусь говорит «Га-га!»

Игорек уже устал трясти рукой и поддерживал ее второй. «Ну, почему она меня не замечает?!»

Наконец, рисунок петушка – и учительница указывает на него:

– Ну?

Игорек радостно вскакивает и, одновременно боясь не успеть и желая чем-то блеснуть особо, кричит, как настоящий петух:

– Кукареку! – даже не так, а: – «У-а-е-у!», – зажимая горлом согласные, делая их неузнаваемыми.

Ведь это ж понятно, что петух так не говорит. Он просто кричит, как получается только у него, а люди уже это перевели на человеческий язык.

И для пущей убедительности Игорек хлопает себя ладонями по толстым бокам, как петух крыльями. Имитация называется, и занимаются ею на уроках артистического мастерства в соответствующих вузах, а не на уроках чтения в первом классе общеобразовательной школы. Но даже для развитого первоклассника знать это было слишком мудрено. Дети весело смеются.

«Ну, почему в каждом классе обязательно появляется клоун?» – устало подумала учительница, для которой за шестнадцать лет в школе это был уже пятый набор. Стукнула указкой по столу. Класс притих.

Строго сказала:

– Я просила дать полный ответ, как говорит петух и как мы это читаем и пишем, а не кукарекать во все горло. У нас здесь не курятник, а ты не петух. Садись и будь внимательнее.

Игорек весь зарделся и опустил голову. Пухлые щеки предательски жгло румянцем. Все старания пропали даром. Почему-то он думал, что его похвалят. А вышло наоборот – опозорился перед всем классом!

Соседка по парте, веснушчатая и лопоухая с двумя тощими косичками, толкнула его в бок и ядовито прошептала:

– Жирпром-петух...

«Дура», – подумал Игорек и обиделся на всех.

А учительница продолжала урок:

– Как говорит ... – и показала кошку.

И он, сам не понимая, как это вышло, вдруг закричал с места:

– У-а-е-у!

Дети просто заржали. Ванька – друг – схватился за живот и свалился в проход.

Учительница, опытная и уверенная в себе, погрозила ему кулаком, давая шанс все осознать самому.

– Тихо, дети! Смотрим еще, – и показала лягушку.

– У-а-е-у! – это уже был не он. Его рот, его горло, но не он. Ему уже было все равно.

Он сидел высоко на люстре и смотрел сверху на толстого мальчика за третьей партой, который кричал, как петух, и к которому подскочила учительница. Схватила за руку, выдернула из-за парты, подтащила к закрытым дверям и толкнула прямо в них:

– Вон из класса до конца урока! И чтобы стоял у двери молча!

Дети испуганно притихли. Они впервые в своей жизни видели, как выставляют ученика за дверь.

Он вышел в коридор и хотел в сердцах хлопнуть дверью.

Учительница не дала – опыт не пропьешь! – перехватила ручку и прикрыла дверь сама. Порядок и власть в классе были восстановлены.

Он слетел с люстры, просочился за дверь и опять вселился в жирпрома. В глазах зашепотало. «Не бу-ду», – сказал себе, потер нос и стал ходить вдоль стены к окну в конце коридора и обратно.

За каждой дверью шел урок. Где – то было совсем-совсем тихо, где-то едва уловимый шум, а за некоторыми дверями – женское сопрано. Значит, и там учителя ругаются.

Дверей было восемь.

Он стал подходить к каждой и прикладывать ухо. Оказалось увлекательно, очень!

«Так можно сразу на всех уроках и во всех классах учиться», – подумал он.

А учительница дала задание детям рисовать палочки в прописи и подумала: «Ничего – всем будет уроком. Надо сразу показать, кто в классе хозяин. А этот, клоун, пусть под дверью поплачет – пока родителям говорить не буду».

Игорек приложил ухо к очередной двери: там шла математика.

– Сколько будет три плюс два? – спрашивала учительница.

– Пять будет, – прошептал Игорек.

– Молодец, – раздалось у него за спиной.

Он вздрогнул и повернулся. Над ним возвышался худой седовласый мужчина со звездой на груди. Игорь знал – это орден за войну.

– Я директор. А ты кто? – протянул руку мужчина.

– Игорь, первоклассник, – вложил свою ладошку мальчик.

– Что ж ты, Игорь-первоклассник, в коридоре учишься?

– Меня выгнали.

Директор взялся за дверную ручку.

– Меня не отсюда выгнали.

– А откуда?

– Оттуда, – и махнул в конец коридора.

– За что ж тебя выгнали?

– Я кукарекнул.

– Кукарекнул или кукарекал? – уточнил директор.

– Кукарекал, – вздохнул мальчик. Директору надо говорить правду.

Директор ничего не сказал и расспрашивать дальше не стал.

– Вот что, дорогой Игорь-первоклассник, раз уж ты не на уроке, пойдём-ка со мной, поможешь. Ты читать уже умеешь?

– Умею.

И они пошли к директору в кабинет.

– Аврора Антоновна, сделайте нам два чая, пожалуйста, – сказал директор пожилой секретарше. – С сахаром. Тебе сколько?

Игорь совсем растерялся и показал два пальца. Директор кивнул.

– Понятно, – сказала секретарша и улыбнулась.

Они вошли в директорский кабинет.

Кабинет был небольшой. Вдоль стен до потолка стояли полки с книгами. К большому письменному директорскому столу приставлен современный темной полировки столик для посетителей, не слишком вписывающийся в остальную древнюю обстановку.

– Присаживайся, – директор указал Игорю на гостевой стул.

– А что помогать?

– Молодец какой! – похвалил директор и подвинул к мальчику стопку из десятка книг. – Вот. Разбери книжки по названиям: те, которые про войну влево, а не про войну – вправо. Сможешь?

– Смогу, – кивнул Игорь. – А картинки смотреть можно, если вдруг не понятно?

– Правильно, – опять похвалил директор. – Там есть внутри фотографии: если не поймешь, то по ним разберешься.

Аврора Антоновна принесла чай в чашках в горошек на блюдцах.

Директор открыл перед собой какую-то канцелярскую книгу и стал бесшумно отхлебывать горячий напиток.

Игорь взял книжку сверху и прочитал название: «Битва за Днепр».

«Это, конечно, про войну, – подумал мальчик. – А вдруг нет? Вот ведь недавно в газете папа дал прочитать заголовок: “Битва за хлеб”. Там совсем не о войне, папа объяснил».

Игорь отхлебнул чай, как директор, открыл обложку. Внутри было написано: «Битва за Днепр. Воспоминания политрука».

У Игоря папа был военный, и слово «политрук» он уже как-то слышал.

Папа у него был замполитом, а мама говорила, что в войну они назывались политруками, и поэтому папа весь такой правильный.

Игорь хотел уточнить у директора, но тот сосредоточенно писал чернильной ручкой-самопиской что-то в своем журнале.

«Надо еще подумать», – сказал себе мальчик и полистал книгу: внутри оказались фотографии. На них изображена война – люди в форме, солдаты, пушки на плотах на реке, «Катюши» с вырывающимся огнем...

Мальчик осторожно закрыл книгу и отложил влево – про войну.

Следующую он сразу захотел открыть и найти в ней фотографии, но потом решил, что это не честно, не правильно. Сначала надо прочесть и понять...

Директор исподлобья поглядывал на Игоря, с каким усердием тот читал и перелистывал книжки.

«Какой славный мальчик! И вот ведь не кукарекает», – и директор покачал головой своим мыслям.

Когда до конца урока осталось десять минут, директор отложил ручку, закрыл журнал:

– Ну, как успехи?

– Только одна не про войну.

– Ну-ка, покажи, – директор взял в руки книгу: «Методика преподавания истории Средних веков – 7 класс». Подумал: «Вся история – про войну, но для этих славных мальчиков «про войну» только то, что про Великую Отечественную. И это правильно».

– Отличная работа, – в очередной раз похвалил директор. – Пойдем, Игорек, в класс.

– А можно я сам? – шепотом попросил мальчик.

– Думаю, да. Ведь тебе можно доверять, – директор не спрашивал, а как будто утверждал.

– Спасибо. До свидания, – Игорь встал и вышел из кабинета.

«Надо будет поговорить с учительницей. А то превратит славного мальчишку в клоуна. Эх, не хватает в школе мужиков!» – подумал директор.

3

...Когда прозвенел звонок, учительница открыла дверь. Игорек терпеливо ждал в коридоре.

– Заходи, и больше дисциплину не нарушай.

На перемене подскочил Ванька:

– Ну, как в коридоре?

– Я директором школы буду. Я у директора в кабинете был.

– Врешь!

– Не вру. Только ты никому не рассказывай, – и Игорек рассказал другу о том, как он отбирал книги про войну.

...Игорек окончил строительный институт и стал дорожником. А директором школы стал Иван Федорович. И когда он встречается с худым и лысым не по возрасту Игорьком, вздыхает:

– Эх, все-таки мне тогда надо было кукарекнуть!

– Кукарекнуть каждый мастак. Надо было ку-ка-рекать. А у тебя на это худосочного духу не хватило бы.

И они поднимают тост за настоящих мужиков, таких, как тот, Первый в их жизни Директор Школы.

Прощай, матрас!

1

...Пашка плыл из последних сил. От берега уже слишком далеко! Не вернуться. Он помнил – впереди Турция. Так отец говорил, указывая куда-то на закат морского багрового солнца...

...Мать особо ценила эти вечерние прогулки вдоль Черного моря во время очередного летнего отпуска.

– Дышите, сволочи, морской солью! Вам полезно! – командовала она Пашке с братом.

Брат старательно дышал, а Пашка мучительно ждал конца прогулки, чтобы курнуть перед сном за уличным нужником во дворе съемной хибары. Впрочем, так было не всегда.

Когда Пашка был всего лишь Павликом, и гормональное созревание не жгло соски на хилой пятнадцатилетней грудке, он также старательно реагировал на команду «дышать морской солью».

И втягивал и носом, и «ртом» воздух, пропитанный гниением морских водорослей и дневными прибрежными испражнениями отдыхающих, предпочитающих справлять как минимум малую нужду при очередном заходе в мутную морскую стихию по пояс.

Зайдет в море этакий жирный дядечка, наберет в ладошки водичку, плеснет на «барабан» и грудь энного размера и затихнет, замлеет, будто вдаль смотрит, красотой шири морской любитесь. А сам в это время, пакостник, по другой причине балдеет. Тетеньки, впрочем, не лучше, но не так заметно. Забежит такая в море, присядет скоренько до шейки, шеи или шеищи с двойным подбородком и – эх! – выпрыгнула, окунулась, значит, к водичке прохладной привыкла. И неважно, что при этом водичка «плюс» двадцать пять. А малые дети голожопые, те вовсе по простоте душевной да по родительскому наущению на линии море-берег испражняются. Сколько раз мать сама говорила:

– Иди, Павлик, пописай в море. Чего зря письку теребишь?

А вечером:

– Дыши морской солью, паразит!

Вот пусть теперь Санечка дышит, поскольку днем в море по совету матери ходит. А Пашка уж лучше как-нибудь сигаретным дымком обойдется. К тому же он и сам днем не гнушался поддерживать общепринятую пляжную традицию захода в море...

2

...Он плыл из последних сил. Буй остался за спиной. Шансов не было. Назад путь отрезан. А матрас, этот гад полосатый, сине-красный гад, с каждым взмахом Пашкиной руки удалялся в сторону Турции.

«Ну, и... с ней!» – единственная отчаянная мысль сопровождала прощальный Пашкин заплыв...

С кем с ней? С жизнью, видимо, с судьбой, пустой и никчемной...

О, эти вечные пререкания с родной матерью! Эта неудовлетворенность собой, эта боль в сосках! Ох, как жгло! И никакого выхода ничему.

Как-то двоюродный брат, старший на пять лет, на глупый Пашкин вопрос, когда следует начинать, в смысле познавать женщин, ответил насмешливо:

– Ты уже опоздал!

Это была последняя капля личных разочарований, и Пашка впал в глухую депрессию...

Когда-то, лет пять назад, в неизбалованный советский ширпотреб вошли детские трикотажные колготки – верх простоты и совершенства одновременно. Страдания Пашиной матери заключались в том, что если на младшего двухлетнего она могла с успехом напялить этот детский позор мелких пацанов двадцатого века, то на пятиклассника Пашку – получалось не совсем в тему. Впрочем, матери объяснять было бесполезно: тепло, комфортно, удобно, выгодно – и этим сказано все. Тем более, что, если уж госплановский ширпотреб начинал чем-то снабжать, то по гланды и на раз. А потом, когда массы попривыкнули, – уже через «из-под прилавка». Короче, мать заодно с «для мелкого» достала колготки и на несчастного Павлика. И это уже был смертельный аргумент. Добытые в нескончаемой битве за дефицит великовозрастные, откровенно девичьи колготки были торжественно всучены Пашке с комментарием «мать специально ради тебя» и «попробуй не одень, паразит».

– Вот и папа так считает. – И – строгий материн взгляд на отца.

Батя лепечет что-то про «мужское достоинство», которое надо беречь смолоду и добавляет:

– Сашенька же носит.

Младший мужской отпрыск в подтверждение сказанного рыгнул. Пашке до боли в солнечном сплетении захотелось тут же напялить этот тряпочный дар богов мелкому на голову. Почувствовав неладное, мать зыркнула на старшего сына, как обожгла.

Сглотнув слезы, Пашка натянул кое-как колготки, сверху шорты и вышел в мир.

– С коленок подтяни! – неслось вслед.

Но Пашка уже не обращал внимания и мчался по поселку военного дивизиона к сараям с одной мыслью: «Только бы пацаны не засекали».

Там, у сараев, он стаскивал с себя это «бабье» и, причитая: «Бабье, бабье, бабье!», раздирали колготки о случайный гвоздь в сарайной стене и вышвыривал ошметки в выгребную яму.

Потом, нагулявшись с ребятней, возвращался в дом-коттеджик на четыре семьи, по закону военных дивизионов всегда открытый. Незаметно прошмыгивал через веранду, мимо кухни – материнского пристанища – в комнату.

– Это ты, Павлик? Иди кушать.

И все. Никаких воспоминаний о колготках. С матерью главное было – не спорить...

Да, главное было не спорить с матерью. Она в их семье была двигателем прогресса, культуры и добытчиком дефицита. Отец так, сбоку припека, просто зарплату в дом приносил. Из таких последних культурно-прогрессивных материнских добыч и был сине-красный надувной матрас.

– Чтобы не хуже как у людей, – предотпускная покупка «из-под прилавка» от тети Киры за пару билетов на Георга Отса от дяди Бори, который дал их за отремонтированный Пашкиным отцом холодильник.

Впрочем, как уже говорилось, отец в семейном прогрессе был не при делах. Хотя он и не пил, в смысле, не пропивал заработок, но деньги без материнского контроля мог сунуть «исключительно в ж...у».

Дискуссии и протесты на эту тему не принимались, поэтому зарплата сопровождала отца исключительно в день получки от кассы до теплых и надежных материнских рук.

При этом деньги от главы семейства не «ховались»: но ты скажи, сколько тебе надо и зачем, а не сказал – рубль на обед, и будь доволен...

3

...Матрас уплывал в Турцию. Ну, какого рожна Пашке понадобилось пойти поплавать на этой материнской гордости последних дней?! Мало того, еще и нырнуть с этой скользкой резиновой надувной гадины?! Зачем?!

«Козел, придурок, Атилла ср...ый!» – ругал себя Пашка.

Вопрос мог возникнуть лишь по поводу Атиллы, все остальное было вполне к месту.

Ругая себя, легче помирать, а иного варианта – Пашка отчетливо это понимал – у него уже не было. За спиной мать с вечными колготками и горстью морской соли. Возвращаться без матраса – разрушить семейное счастье и надежды на будущее, вбить крайний кол в хилое тельце проклятой судьбы. И Пашка заорал отчаянно и безнадежно:

– Га-а-а-а!

Бедный тщедушный пятнадцатилетний мальчик, потерянный в пустом морском пространстве в погоне за дефицитным матрасом, уплывающим под легким морским бризом в неведомую Турцию!..

...Последний раз Пашкина тетрадь с некрасиво написанным заданием была порвана в пятом классе. В довесок – тапочком по затылку.

Главное – не спорить. Пашка встал и молча ушел из дому до вечера. Больше уроки с ним в доме не делал никто и никогда.

– Дура! – сказал он матери лишь однажды посреди улицы, на переходе.

Теперь уж не вспомнить повод. Пустячный, не иначе. Просто ему уже было четырнадцать, а мать по традиции «притормаживала» и продолжала доставать очередными колготками в ином измерении и формате.

Реакция была моментальной – наотмашь чисто по-женски по щеке.

Накануне она решила, что пришла пора объяснить ему разницу между девочкой и мальчиком – «раз отцу все некогда!» – и для чего «винтик» к «гаечке». Пашка чуть не сгорел со стыда за мать и остановил доморощенный урок семейной этики:

– Ма, хватит уже! ЭТОМУ я уж как-нибудь сам научусь. Мать тогда смертельно обиделась и замолчала. И последние дни, сама не понимая с чего, все «пилила» «великовозрастного обалдуя».

– У тебя был шанс. Не надо было спорить, надо было выслушать мать, она плохого не посоветует, – объяснял отец, как лицо наиболее осведомленное о материнских волнениях и состояниях. Об осведомленности, в частности, говорила темнота под глазами от недосыпа.

Чисто из мужской солидарности Пашка скрипел зубами, но терпел, не отвечал на ежедневные материнские выпады, следовавшие после неудачной лекции по сексопатологии. И вот не выдержал, огрызнулся.

– Дура! – посреди уличного перехода.

В ответ – пощечина. Крепкая, основательная. Вот это было уже по-взрослому.

С того дня между ним и матерью стала налаживаться едва ощутимая незаметная нить понимания уважающих друг друга людей.

Нить тонкая, трепетная, могущая порваться в любое мгновение.

И вот надо же – этот проклятый матрас!..

4

Пашка орал посреди открытого моря. С каждым выдохом силы оставляли его. Но кто утверждает, что Бога нет на свете? Где – то там, на чистой волне, в масштабах горизонта, вдали от надоевших человеков, покачивался на своем матрасе мужичок-мыслитель! Ангел, тихий и

незлобный, проветривал башку после вчерашней пьянки и секса с Машуткой из прибрежного санатория, токарь высшего разряда, «настрогавший» троих детей, что отправлены с благоверной супругой на лето к маме-теще, – простой советский отдыхающий работяга, знающий цену своим рукам в исключительно непоколебимом валютном измерении – «одна условная единица – пол-литра».

Это чудо, это явление Божье посреди моря безбрежного вялой ручкой утомленного солнцем зацепило плывущий матрас, услышало слабый крик над волнами, хотело было подплыть, но, разглядев пацана, решило:

– Та, пускай.

И отдыхающий токарь стал поджидать выбивающегося из последних сил Пашку.

– Спасибо, – прохрипел Пашка, задыхаясь.

Пашка вцепился в матрас, хотел залезть, не смог, свалился, силы вовсе оставили. Токарь-ангел пожалел пацана, придержал матрас, подтянул Пашку кверху за плавки:

– До берега догребешь?

Пашка слабо кивнул, вытянулся на животе на красно-синей резиновой «скотине» и отправился в обратный путь.

Из невольного путешествия Пашка вернулся через час. Унесенному ветром матрасу и заманенному матрасом Пашке пришлось возвращаться к месту расположения семьи еще добрый километр вдоль бесконечного черноморского многопляжья.

– Где ты был, засранец?! – с ходу налетел на него отец. – Мать вся извелась. Еще и матрас забрал! Совсем мозгов нет?!

Мать взглянула на Пашкино лицо, на котором отсутствовали все эмоции и реакции, кроме смертельной усталости, и сказала отцу, как отрезала:

– Отстань от него. Займись лучше «мелким».

«Мелкий» тут же отреагировал:

– Я хотел на матрасе плавать! – и заныл.

– Так ж...у помочишь, – оборвала мать. – Пусть Паша отдохнет, – и постелила на разогретый солнцем матрас полотенце.

Пашка улыбнулся, лег на спину на прирученного резинового беглеца, закинул руки за голову, закрыл глаза. Кто-то бережно опустил на его голову большую панаму. Не открывая глаз, он знал кто. «Оно того стоило», – подумал.

И почувствовал отсутствие боли в сосках.

Шмуля

1

Шмуля, Шмулевич Иоська – молодой да ранний бандюган. Черный, как смоль, кудрявый, темный лицом с каким-то метисовым окрасом, обезьяньей челюстью, толстыми губами, крупными зубами и волоокими, вечно припухшими еврейскими карими глазами с огромными ресницами.

Его боялась вся школа. За ним стояли серьезные пацаны. В классе Шмуля сидел исключительно на первой парте. На уроке, если вдруг на него что-то снисходило, он брал в рот половинку лезвия «Нева», вернее, вытаскивал его откуда-то из-за щеки и показывал на языке учительнице.

Русичку аж передергивало:

– Шмулевич!

– Ща, сжую, – и он отправлял лезвие в рот и схрумкивал его, перетирая волчьей челюстью.

А вот другой урок. Шмуля расстегивает ширинку и громогласно заявляет:

– Ложил я на все это!

– Шмулевич!

– Ща, выйду, – и выходит прямо в окно.

...Классное собрание. Классная, учитель украинского языка и литературы со стажем и званиями, Надежда Захаровна, сухопарая и шустрая, говорит с неистребимым хохляцким акцентом:

– Шо будемо делать с Иосифом Шмулевичем?

Шмулевич за ее спиной присаживается на краешек учительского стола. Улыбается безразлично и крутит в пальцах сигарету.

– Расстрелять! – орет кто-то.

Сорок глоток подхватывают:

– Утопить! Закопать живьем! Подвесить за ноги!

Шмуля ржет. Захаровна оборачивается:

– Встал ровно!

Иоська отрывает зад от учительского стола, принимает позу «полусмирно» и закладывает сигарету за ухо. Классную мы уважали и опасались.

– Значит так, сраная республика ШКИД, уничтожить Шмулевича мы не будемо. Мы его будемо выпускать из восьмого класса со свидетельством на все четыре стороны.

– А если не сдаст экзамены?

– Значит, со справкой, но на все четыре стороны.

Шмуля морщит лоб, напряженно ловя какую-то мысль:

– Это хорошо. Но со справкой – плохо.

– Конечно, плохо. Причем не тоби, а школи.

– Ну, а я шо сделаю?

– Ты ничего не зробиш. Комсомольци?

– Га? – откликаются комсомольцы.

– Пиднялись.

Встали семеро.

– Ты, – ткнула в меня пальцем, – занимаешься с ним русским. Ты – математикой, ты – физикой...

После собрания мы остались со Шмулевым.

– Короче, Шмуля, домашнюю мы тебе будем давать «перекачивать», а на контрольных садись рядом с нами.

– Бл., а шо перекачивать? Я вам тетради дам – сразу и пишите.

– Не наглей. За десять минут до урока – перерисуешь. Можешь не все, лишь бы на «трешку» нацарапал...

2

Идем со Шмулей на базарчик. Он с каждого лотка чего-то прихватывает: семечки из мешка, яблочко, грушку. Кто-то ворчит, кто-то матюгается, но не связываются. Через одного «стреляет» у лоточников сигареты. Те нехотя дают.

Под конец хватает кавун – и деру. Сзади крик – но погоня квелия. Кто-то отбежал десять метров – махнул рукой.

– Не связывайся с ним. Это Шмуля. Больше напакостит, если сцепишься, – отговаривают соседи по лоткам.

3

Малороссия. Теплый сентябрьский вечер. Пятница. Затыгиваемся болгарскими сигаретами, жуем расколотый о скамейку арбуз, сплевываем семечки.

– Ладно, я пошел, – Шмуля встает и уходит.

– Чем займемся? – спрашивает Неволья.

– Пошли бомбочки кидать, – предлагает Серый.

– С водой? – спрашивает Алик Рыжий.

– С мочой.

Идем к Серому в трехэтажный дом на улице Ленина. Делаем из бумаги бомбочки. Лезем на покату ю железную крышу (амбарный замок на чердачной двери висит для виду). У Серого банка с общественным ссаньем. Аккуратно разливаем в бомбочки. Подходим к краю крыши с металлическими перилами. По очереди определяем жертву: бросить надо так, чтобы на голову человеку не попало да и обрызгало не слишком. Совесть еще есть. Остатки.

Первый – Серый. Внизу – девчачий визг. Но мы это уже не видим – бухаемся плашмя животом на разгоряченную крышу.

Последним рискует Алик и попадает прямо на голову мужику.

– А-а-а! – мат-перемат и крик. – Милиция!

Мы мчимся по крыше к спасительному выходу. У самой железной двери с чердака затыгаем.

– Ша, мужики! Кажись, сюда бегут, – с лестничной площадки топот и голоса.

Взлетаем обратно на крышу. Бежим к запасной лестнице. Спускаемся. Неволья, самый высокий, – первый. Ступеньки заканчиваются метра за три – три с половиной до земли. Кузнечик, кличка Петра Невольи за прыгучесть, присвоенная ему нашим физкультурником, на несколько секунд за висает над землей на вытянутых руках на последней металлической перекладине. И вот уже кричит снизу:

– Принимаю!

Алика ловим всем гуртом последнего и деру – подальше от места преступления.

– Е! Я банку с мочой забыл на крыше, – бьет себя по лбу Серый.

– Ага, менты сдадут ее на анализ – и нас вычислят, – заржали весело.

- А я бомбочку пустую забыл, – вспоминает Рыжий.
- Еще один нервный. Ну и что?
- Я ее из обложки старой тетради по русскому сделал. Тут мы тормознули с разбегу.
- Рыжий, ты совсем плохой? – поинтересовался Серый.
- Отстань от него, – сказал Кузнечик. – Может, обойдется. Давай покурим?

Мы разместились на детской площадке и достали «ТУ-154». Не сговариваясь, тему закрыли. Вообще-то, большими хулиганами мы не были. Но на пакостные приключения периодически тянуло.

Как-то в прошлом году весной, когда была мода на взрыв-пакеты, швырнули не туда – на высокую меховую шапку тетеньке. Хорошо, пакет за ветку зацепился. Но шапка сверху вмиг выгорела черной залысиной. Тетенька не заметила – машины кругом шумели, а взрывчики серные негромкие были – и мирно продолжила свой путь.

...Другой раз в кабину грузовика снежком вlepили. Шофер расторопный оказался. Я тогда не при делах был, но смотрел и, как положено, смеялся над происходящим. Поплатился ухом: шофер воспитывал не щадя, всадил на прощание ногой в пятую точку и, спасибо, отпустил с Богом. Кореша наблюдали из подворотни и веселились по полной.

...Как-то решили перевыполнить план по металлоббору и укатили два пустых газовых баллона, выставленных у частных ворот на замену полными. Город был невелик, хозяин по наводке примчался в школу через час после присвоения нашему классу первого места.

Отделались «неудом» за поведение. Но ведь, что характерно: пока хозяин не нашелся, баллоны в металлолом приняли, и ни у кого вопросов не возникло.

4

В понедельник, на втором уроке, в класс вошла классная в сопровождении капитанши из детской комнаты милиции.

- Смаковецкий, встань!

Алик поднялся белый, как мел.

– Твоя работа? – и она подняла чуть не над головой лицевую обложку тетради по русскому языку со сгибами после бомбочки.

Алик сглотнул слюну. Я ущипнул его сзади, мол, молчи, еще не все потеряно.

- А шо там такое? – подал голос Иоська.

– Шмулевич, тебя не спрашивают. Смаковецкий, это обложка твоей тетради?

- Я отсюда не вижу, – выдавил из себя Алик.

– Я тебе помогу, – Захаровна повернула листок к себе и прочитала: – «Тетрадь по русскому языку ученика восьмого «Г» класса... Смаковецкого Альберта».

- Да, так меня зовут.

– Я тебя спрашиваю, ты знаешь, что из этого листочка была сделана «бомбочка», или как вы это там называете?

- Теперь знаю, – начал приходить в себя Алик.

– Хватит церемониться! Забирайте его, – вставила слово капитанша.

- Так это я бомбочки кидал, – вдруг вмешался Шмуля.

– Ты? А тетрадь Смаковецкого к тебе как попала?

– Так вы же сами сказали, чтобы мы все Шмулевичу помогали учиться. Вот Алик и дал ему тетрадь переписывать, – поспешил прояснить ситуацию Неволя.

- Все так, – подтвердил Иоська.

Захаровна замерла с открытым ртом.

– И ты, значит, набирал мочу и швырял этим в прохожих с крыши? – вступила в права капитанша.

- Шо?! – Шмуля аж поперхнулся. – Да я бы лучше тогда просто им на голову по...ал.
- Шмулевич! – взвизгнула притихшая было на время учительница русского и литературы, на чьем уроке разворачивался весь этот цирк.
- Ну, пописал, – исправился Иоська.
- Не морочь нам голову! На крыше банку с мочой нашли.
- Так и шо? Она моя шо ли? Проведите анализы.
- А гражданин... – начала было капитанша и осеклась. Шмуля заржал:
- Шо на кого-то попало? Так это вода, пусть не беспокоится.
- А...
- А если пахнет, так это он сам с перепугу...
- Шмулевич! – оборвала его русичка.
- Да молчу я.

Когда Иоська под общий гвалт уходил из класса вслед за капитаншей, демонстративно заложив руки за спину, Надежда Захаровна обронила ему в спину:

– Не ожидала от тебя, Шмулевич, такого детского сада. Шмуля остановился. Посмотрел на Алика, потом на Неволю и усмехнулся:

– А это у меня детство в ж...е сыгрануло.

После уроков Иоська поджидал нас возле школы.

– Тебя отпустили?

– А меня и не держали. По мне и так тюрьма плачет, шоб из-за такой мелочи вязать. Впаяли штраф предкам двадцатку. Так шо с вас по пятерке, засранцы. И ишо десятка сверху мне за хлопоты.

– Кто тебе сказал, что...

– Мне никто ничего не говорит. Я просто знаю. Время пошло. Через три дня – гроши. И вообще, хорош в детский сад играть. Учитесь, у вас это краше получается.

Что сказать? Справедливо. Так что наскребли. А с крыш бомбочки бросать перестали. Это оказалось действенной любого комсомольского собрания. Детский сад закончился, а взрослая зона не привлекала. У каждого была своя столбовая дорога. И спасибо Шмуде, на свою он нас не пустил.

Двое в лодке с ружьем и собакой

Петр давно хотел приударить за Мариной основательно и бесповоротно. У них уже все было, но слегка: провожалки домой после работы, целовалки-обжималки в подъезде и кино-театре на последнем ряду. Не было главного. Марина без обиняков заявила о своем целомудрии до свадьбы. Родители зазнобы не только не возражали против такого подхода к делу, но и всячески призывали блюсти девичью честь до официального – постеления? расстеления? или растления? – брачного ложа.

Они больше руководствовались житейской мудростью, традициями и будущей безопасностью семейных отношений повзрослевшей дочери, рассчитывая на длительность их хотя бы на девять месяцев, не менее.

– Чтобы козел, значит, не отвертелся! – и отец потрясал пудовым кулаком.

И если дочь, не дай Бог, опростоволосится до того, как... – то можно не сомневаться, что при помощи материнского совета все будет подано в самом надлежащем виде так, «чтобы козел не только не заподозрил чего-нибудь не то», но и – это главное для козла! – ощутил себя истинным зачинателем рода человеческого, духом божьим во плоти!

Петр, конечно, в те годы юности ни о чем таком сложном и не подозревал. Он беспрекорсловно верил Марине и безропотно страдал. Хотя бы по той простой причине, что к началу их полупентингового периода с Мариной имел некоторый завершённый сексуальный опыт и возбуждался от поцелуев и целенаправленных прикосновений вполне со знанием дела, которому конец, как говорится, венец...

И вот настал день и час, когда Петр убедил-таки Марину отправиться с ним в поход на моторке по реке на целых три дня с ночевками. При этом была произнесена клятва самурая – харакири, если он себе позволит!.. Это окончательно убедило Марину – позволит еще как!

И она согласилась на путешествие. Для родителей была сочинена легенда о поездке с девочками с работы на выходные к одной подруге в село на Десне. Комсомольский билет был оставлен дома – и совесть чиста.

Все было приготовлено профессионально. Петр не первый раз ездил на моторной лодке на острова на Десну. Правда, делал это исключительно с двоюродными братьями, но с 14 лет и каждый год. И не было в водном походе для него никаких секретов.

В общем, к лодке прилагалась палатка, спальники, одеяла, всякие походно-кухонные принадлежности, паяльная лампа чай кипятить, рыболовные снасти и пр., и пр. Все это Петр выпросил у старшего из двоюродных.

– Возьмешь пса, пусть прогуляется, – и брат кивнул на сеттера, который уже вертелся у ног, яростно махал хвостом и повизгивал от предчувствия свободы.

– Да ты чего? Я же не один буду.

– Значит, так: или с псом на лодке, или вплавь с любимой.

– На лодке.

– То-то. Да, я тебе еще ружьишко дам и пяток патронов. Не дури, но на острове постреляй для виду. Пусть пес разомнется. Мне до охоты не добраться этой осенью, а ему надо.

– А куда мне с птицей потом?

– Дурак! Какая птица? У тебя даже разрешения нет. Так постреляй. Пес стойку сделает на ближнюю птицу. Ты пальнешь. У Тарзана хоть чувство исполненного долга останется.

На том и порешили. И вот со всеми принадлежностями и провизией, с собакой и ружьем в нагрузку, в моторной лодке у причала тихим погожим сентябрьским днем ждал Петр свою возлюбленную.

Впереди были три дня на деснянских заброшенных островах. Но прежде чем до них добраться, влюбленным предстояло отшлюзоваться – пройти шлюзы – из Днепра в Киевское

водохранилище, прозванное в народе Киевским морем. Где – то на дне этого грандиозного детища эпохи советского глобализма были похоронены десятки украинских сел. Море по берегам заболачивалось, мелело. Но без него жизнь Киева уже была не мыслима.

Впрочем, Петр не вдавался ни до, ни после в подобные рассуждения. Шлюзы, море, любимая – кайф да и только!

Кайф, как положено, сломала сама любимая: к назначенному времени не просто опоздала, а настолько, что шлюзы закрыли на ночь. Ближайший подъем воды – в пять тридцать утра.

К приходу недотроги Петр был уже в состоянии глухой прострации и не покинул причал не столько из-за природного упрямства, сколько по причине отсутствия дома хозяина лодки, собаки и ружья. Он отбыл в краткосрочную командировку по дорожным делам в качестве прораба. Объявиться же со всеми причиндалами перед супругой брата Галиной, сухопарой и энергичной брюнеткой, было не просто смерти подобно, а подобно мучительному колесованию, четвертованию и вздергиванию на дыбе одновременно.

Сначала Галина бы взревела:

– Шо ж он, скотина, все хозяйство куды ни попадя скинул! – Потом: – Кто ж, така зараза, малому хлопцю пулялку дал? Ще и собаку?! Да шоб он издох, цей пес шелудивый, разом со своим хозяином! – И в заключение: – Гэ! А с кым це ты собрался? Га?! А маты знае? Га?!

Вот это «Га?!» у Галины получалось особенно смачно, за что брат за глаза называл ее гусыня...

Петруха образно представил себе в деталях столь содержательную беседу, которая сто процентно завершилась бы звонком матери:

– Светочка, а ты знаешь, шо твой хлопчик собрался с ружОм и собакою в моторке моего урода ни ясно с кым у даль светлую?.

Конечным пунктом этого телеграфа стал бы отец.

– Паразит! – взревела бы мать. – Это ж дети твоего братца нашего мальчика с пути сбивают. Это ж из-за них он вместо того, чтобы пойти в институт, занимается лодками и блядками. Ты мне всю кровь выпил за двадцать пять лет, а теперь ребенка хочешь угробить?!

– Двадцать три, – поправил бы отец.

– Что двадцать три?

– ...года кровь пью.

– Ах ты, паразит! Еще насмехаешься!

Крик, гвалт, там-тара-рам. Потом три дня лучше не появляться дома. Батя сгоряча и от безысходности и накостылять еще вполне может. Ну а мать жилы вытянет так, что взвоешь. И на хрена мать ему эту отсрочку от армии организовала? Все равно он никуда поступать не собирается. «Все, решено! Вот трахну Маринку – и служить. Хоть поживу как человек». От этих мыслей Петр прямо-таки взвыл на Маринкин образ:

– Где же ты, стерва?!

Как будто она была виновата в их родственной идиллии. В общем, не было в те годы мобильных телефонов. А у Петра не было выхода, кроме как дожидаться Маринку. Она появилась через четыре часа от времени Икс.

– Где была?

– Так вышло. Мама где-то выяснила, когда автобус от станции отходит... И раньше уйти – только лишние вопросы.

– Какой автобус?

– Ну я же с девчонками вроде как в гости в село еду.

«Все врет!» – мрачно подумал Петруха и окончательно утвердился в мысли исполнить предначертанное во что бы то ни стало, сухо сказал:

– На шлюз опоздали. Ночуем в лодке, у причала. Завтра в пять тридцать – в море.

Марина неожиданно все приняла ласково и спокойно:

– Не сердись. Все будет, как скажешь.

Петруха незаметно улыбнулся. Отлегло.

– Есть будешь?

– Нет.

– Тогда вот спальник.

Он постелил спальник на дне лодки. Дал девушке одеяло.

– Спи. Завтра рано вставать, – нежность к ней заполнила грудь.

– А ты?

– А я покурю. Поем. Опять покурю. Все равно целоваться у причала не будем. Вон сторож так и крутится. Да и люди вокруг.

И правда: у причала стояла еще пара лодок с такими же – ждущими первого шлюза.

Марина благодарно погладила его по волосам, пожелала спокойной ночи.

Петр открыл первую банку «Завтрака туриста»: перловка и перетертое рыбье месиво из мяса, костей и потрохов.

– Хлопец, выпьешь? – окликнули его из темноты.

– Спасибоочки. Нет охоты.

– Ну и зря. Второй раз не предлагаем.

Под утро оказалось, что и впрямь зря. Что уж там в этом завтраке этого «туриста» было – может, просроченный, а может, не надо было две консервных банки наворачивать – но так или иначе, но не одобренный здоровой самогонкой продукт начал давать о себе знать все настойчивее и требовательнее. Короткая пробежка в галюн причальный не спасла. В животе урчало и требовало выхода. Но уже было некогда.

Откладывать еще на время, пусть даже на два часа, и так затянувшийся старт к пацанскому счастью было больше невмоготу.

«Перетерплю, – решил Петр. – Проскочим шлюз, пролетим фарватером и в устье Десенки, а там – к близнему островку пристанем. На все про все меньше часа, а то и минут сорок. Что ему, в первый раз, что ли, с моторкой управляться?»

А для Маринки все было ново. Петром она просто любовалась. Как у него все ладно и быстро получается! Правда, завтракать отказался. «Рано», – сказал. Марина пожала плечами, достала себе яблочко. Не успела спелое доест, как они уже отшлюзовались и выскочили в открытое море.

А Петр тем временем был уже на грани истерии. Надо сказать, пройти шлюз на моторке не так просто. Вода наполняется, крутит. Лодку мигом затянет, если не зацепиться за пристенный крюк, который всплывает вместе с поднимающейся водой. А тут еще и «ракета» первая с ними в шлюз вошла. Стоит, стерва, посередине, вода вокруг нее кипит, так и затягивает под корабль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.